

ЦИТАТЫ СВОБОДЫ

"Прижигают место разрыва романом". Споры о "Регистрации" Глуховского

Радио Свобода

02 октября 2026

Писатель Дмитрий Глуховский

Дмитрий Глуховский, российский писатель, ныне живущий за пределами России, где он, как и многие известные россияне с антивоенной позицией, был произведен в "иноагенты", а позднее объявлен в федеральный розыск, написал новый роман под названием "Регистрация". Книга вызвала небывало бурную дискуссию – наверное, самые оживленные сетевые дебаты вокруг литературного произведения за последние годы, по крайней мере с начала полномасштабного вторжения России в Украину.

Большому читательскому вниманию к роману способствовал не только успех прежних книг Глуховского (трилогия "Метро", "Текст", "Пост"), но и то, что автор совершил крайне нестандартный ход: сам выложил свое новое произведение в открытый доступ.

Краткое изложение сюжета *(не читавшие роман, но желающие его прочитать могут пропустить следующий абзац).*

Действие происходит в современной России во время войны: главная героиня Ульяна, беременная девушка контрактника Саши, узнаёт, что он пропал, а затем – что он находится в тяжёлом состоянии в московском госпитале. Ульяна едет из Вологды, где она живет, в Москву, чтобы как можно скорее зарегистрировать брак с Сашей: от этого зависят выплаты, и с ребёнком ей полагается большая доля. Одновременно за эти деньги начинает бороться и Татьяна, мать Саши, которая тоже рассчитывает получить максимум возможных компенсаций и уже выстраивает свои планы на будущее. В Москве Ульяна сталкивается с

задержками, бюрократией и попытками решить вопрос через связи и взятки: брак не оформляют сразу, Саша в тяжёлом состоянии, а конфликт между девушкой и Сашиной матерью только усиливается. Ульяна из растерянной и зависимой фигуры превращается в человека, который начинает действовать жёстче и учится использовать систему в своих интересах, в том числе прибегая к ИИ для написания доносов в ФСБ.

Сам Глуховский в [интервью "Эху"](#) изложил свою основную идею:

Главное испытание, которому подвергаются люди оставшиеся, – это испытание принуждения к конформности. Ты понимаешь, что если ты не хочешь ощущать себя в ежедневном конфликте с репрессивным аппаратом, с государством, со всей его машиной, то ты должен подстраиваться. И вот это подстраивание, сначала внешнее – оно неизбежно так или иначе по миллиметру начинает приводить к подстраиванию внутреннему. Когда ты не хочешь произносить вслух вещи, в которые ты не веришь, ты начинаешь убеждать себя в вещах, в которые ты раньше не верил, чтобы сохранить некоторую целостность.

Книга, написанная "уехавшим" об "оставшихся", не могла не задеть болезненное место. Это заметно по всем отзывам на "Регистрацию", как хвалебным, так и разгромным.

Некоторые посты сокращены, особенности орфографии авторов сохранены

[Vasya forever](#)

Заранее знала/чувствовала/предполагала, что и на этот раз Глуховский не подведёт. И он не подвёл. Взвыли все. Правда она такая — она глаза колет.

**“ Взвыли все. Правда
она такая — она глаза
колет**

[Andre Yanpolsky](#)

Дмитрий Глуховский написал гениальный роман «Регистрация», который я только что прочел примерно за три часа. Сам автор у

себя в канале спрашивал российских читателей насколько книга реалистична. Я в том проклятом богом месте не бываю с января 2022 года, и больше бывать не планирую, но судя по множеству просмотренных мной «интервью» с пленными солдатами армии вторжения, разговоров с десятками людей из разных социальных слоев и местностей в соцсетях, телеграм каналах, а также штучных отзывов о произведении от уже успевших с ним ознакомиться россиян — произведение более чем реалистично.

Я не литературный критик и к любому искусству отношение мое спортивно-потребительское — привлекают вещи класса «я так не умею», а восхищают те из них, про которые я даже не понимаю как именно их сделали. Вот «Регистрация» восхищает.

Alina Rebel

Глуховский "Регистрация". Ничего страшнее я никогда не читала. Художественного, конечно.

Думаю, так ощущался Достоевский его современниками. "Бесы", например. Такой же по-достоевскому безжалостный психологизм, препарирующий чудовищное в повседневном чудовищном, в "Регистрации" гипнотизирует, превращает тебя в скорчившийся камень, как взгляд Медузы Горгоны. И если от новостей и обрывков свидетельств еще можно отмахнуться, то роман Глуховского невозможно отложить на потом, чтобы всплыть, отдышаться. Как будто этот кошмар никогда не развеется, если не пройти его до конца.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Есть две России". Социологи о поддержке и неподдержке войны

Героиня антиутопии

Глуховский отлично показал, что происходит с теми, кто впервые в жизни чувствует за собой силу и с теми, кто силу теряет.

Это не наша страна – как-бы говорит автор, описывая жизнь напуганных и безхребетных анти-военных москвичей. Параллельно, на фоне трясущейся интеллигенции, гордо вышагивает главная героиня, которая из невыразительной мыши, названивавшей своему жениху-свошнику, превращается в самоуверенную тётку, пишущую на всех подряд доносы.

Именно в детальном описании этого превращения, как мне кажется, заключается главная ценность романа.

Думаю очень забавно, что многие в своих рецензиях один в один повторяют тот мыслительный путь, который как раз высмеивается в произведении. Московская

"интеллигенция" у Глуховского пытается помочь неразумной Ульяне: то советами "читать Медузу", то просто сочувствием, то деньгами. Ульяна же их ненавидит. За то, что считают себя лучше. За то, что поучают. За то, что живут в хорошей квартире и ходят в рестораны. Сначала ненавидит тихо и робко, потом – в слух.

А когда не получает отпора – то просто захватывает власть в квартире и терроризирует своих благодетелей угрозами. Это отличное описание отношений оппозиции с народом.

ВЕЧЕРНЯЯ РАССЫЛКА

Подпишитесь на нашу рассылку!

Каждый вечер мы будем отправлять вам подборку главных тем дня. Пожалуйста, введите адрес вашей электронной почты ниже.

Подписаться

Споры вокруг романа развернулись сразу по нескольким линиям. Одна – вправе ли автор-эмигрант (или, как принято говорить сейчас, "релокант") писать о жизни в нынешней России, да еще и столь критически?

Илья Латыпов

У меня было стойкое ощущение, что я читаю не рассказ о жизни в России в современных условиях, пусть даже и в определенном социальном слое, а

карикатурную пропагандистскую агитку, направленную на "художественное обоснование" псевдотезиса о том, что "все они там орки" и моральные разложенцы.

Для сатиры/гротеска написано слишком серьезно. Для сложного, многопланового произведения - слишком плоско и стереотипно. А вот для пропаганды - идеально. Берем что-то узнаваемое, из ряда вон выходящее или даже распространенное, тиражируем это на всех и выставляем это как всеобщую норму. А все то, что выходит за рамки тиражируемого образа - не замечаем или делаем вид, что этого не существует и это "неважно". Так, например, неважными оказались я и миллионы людей, которые как-то иначе живут, а также истории из жизни "дна", которые не вписываются в карикатуру. Книга работает на ненависть, отвращение, отчуждение - и ни на что больше.

Алла Борисова

В этом романе вообще нет попытки что-то понять. Нет обычной жалости к маленьким людям, к людям, которых он рассматривает в микроскоп, но видит в них одномерность, без деталей.

Он их обвинил заранее. Всех, скопом. Периферийных быдловатых бедняков, столичных интеллигентов, "либералов" и юных московских тусовщиков - всех. И сделал это из своего, довольно благополучного далека.

Примерно так, как в последнем интервью Плющева с недавним репатриантом-социологом, который утверждал, что все оставшиеся живут в своей стране "незаконно". А он уже выбрался, и значит, для эмигрантов тут все в порядке.

“ Книга работает на ненависть, отвращение, отчуждение - и ни на что больше

В ответ звучало следующее.

Ксения Лутченко

...Началась какая-то, по-моему, безобразная дискуссия о том, как он смеет, уехав, писать

о России и россиянах.

А кто еще будет писать-то? Или время не пришло? Потом когда-нибудь почитаем, когда можно будет, и издательства в России появятся, и законы отменят о фейках и дискредитации? Или достаточно «окопной правды» от зетников да Маргариты Симоньян? Или настоящий русский писатель должен расплатиться за свое писательство тюрьмой, а если повезет, то еще и смертью?

Вообще-то мы тут хорошо помним, как пахнет в электричке, какие наощупь бетонные заборы, как звенит стакан о подстаканник на откидном столике в купе, как каждый год в Москве за одну ночь голые ветки покрываются свежими листочками и наступает то единственное утро зеленой дымки, как на рассвете по Садовому едут оранжевые бочки поливалок (или их уже заменили китайскими и они другого цвета? ну мы посмотрим в рилзах, ничего).

Дом у нас общий, другого ни у нас, ни у вас нет и не будет. И про этот дом и беду, которая его накрыла, мы все имеем одинаковое моральное и любое другое право писать, снимать, плакать, орать и всё, что угодно.

Кирилл Данильченко

Наслаждаюсь тем, как у «хороших русских»... массово прорвало днища от нового романа Глуховского. Поросенок Петр уезжает из РФ на тракторе, но продолжает искренне грустить по березкам, стоя под портретом Сралина.

Глуховский в «Регистрации» вдребезги разбил главную мантру о том, что российский народ — это бедная овечка, которую обманул телевизор. Сюжет до тошноты реалистичен: героиня лихорадочно пытается расписаться с ушедшим на фронт парнем. Не из великой любви. А чтобы юридически застолбить за собой право на миллионные выплаты, когда его там гарантированно убьют. Женщины абсолютно цинично и добровольно монетизируют своих мужиков, предвкушая, как поменяют их мясо на закрытую ипотеку и шубу. Никакого обмана, только холодный расчет на крови. Глубинный народ — не жертва, а самка Богомолова.

Что, неприятно смотреть в зеркало и харкать в собственное отражение?

СМОТРИ ТАКЖЕ

Регистрация абсурда. Андрей Филимонов – о книге Дмитрия Глуховского

Другая линия споров: намеренно ли сделал Глуховский своих персонажей настолько отвратительными, что "никого из них не жалко", и вправе ли он был это делать?

Misha Kozyrev

Я читал и осознавал: никого не жалко. Обычно даже в самом беспросветном романе находишь человека, за которого хочется держаться. Которого хочется спасти, защитить, вытащить из этого кошмара. Здесь почти не за кого. Все в разной степени отвратительны, трусливы, мелочны, корыстны. Даже те, кто вроде бы на правильной стороне, кто всё понимает, кто против войны, кто произносит правильные слова, — оказываются совершенно беспомощными перед лицом настоящего зла. Когда оно входит в их собственную квартиру, начинает распоряжаться их жизнью и предъявляет счёт, выясняется, что убеждения — штука хорошая, но собственная безопасность и благополучие дороже.

Не могу сказать, что Глуховский ненавидит своих героев. Мне кажется, он просто отказывается их оправдывать. Не предлагает привычного набора скидок на тяжёлое детство, бедность, пропаганду, отсутствие образования и сложные жизненные обстоятельства. Всё это есть. Но есть и выбор. Маленький, ежедневный, почти незаметный. Промолчать. Согласиться. Взять деньги. Отвернуться. Сдать другого, чтобы спасти себя. И каждый раз кажется, что ничего особенного не произошло. Просто жизнь такая.

Анна Наринская

Автору удалось создать клаустрофобическую атмосферу общества, которое слегка недовольно пузырится под крышкой тоталитарного давления, но при этом само пропитывается тоталитарным соком. Я знаю многих людей внутри России, которые видят это общество ровно так.

Дело не в том, что автор описал место, где давно не был, а тем, что он супер облегчил себе задачу. Он выбрал описать мир, в котором вообще нет никаких всплохов добра, скомпрометировано совершенно все. А это гораздо легче.

Это Россия, в которой нет не только условных Беркович и Петрийчук, Скобова и Шлоссберга, это ладно, положим, мы все считаем, что это единицы. (Хотя кто сказал, что единицы не надо учитывать? Солженицын, наверное, ненавидел советскую власть не меньше, чем Глуховский ненавидит путинскую, но «Матренин двор» написал).

Но тут нет — ох, не буду приводить реальные примеры — и тех, кто путем, да, компромиссов борется за что-то хорошее. Да что там — вообще нет тех, про кого непросто понять, что по их поводу думать и чувствовать.

**“ Мне как раз жалко
почти всех, и очень не по**

Елена Чекалова

себе от этого интеллигентского «никого»

Мне как раз жалко почти всех, и очень не по себе от этого интеллигентского «никого». Почему Акакий Акакиевич вызывает у нас слёзы, а сегодняшние униженные, запуганные и жадные до государственных

выплат Акакии Акакиевичи — только брезгливость? Наверное, потому, что маленький человек русской классики удобно мёртв. Он уже не проголосует за Путина, не напишет донос, не отправит сына на войну ради ипотеки. Его можно спокойно жалеть, не опасаясь, что он откроет рот и скажет что-нибудь чудовищное. А живой маленький человек оказался совсем не умилительным. [...]

В начале романа Ульяна чувствует себя человеком, когда защищает слабую Кристину от влиятельного клиента. Позже еще большее опьянение она испытывает, поняв, что может написать донос и натравить государство на тех, кто ей мешает. Чувство достоинства подменяется чувством власти. Ульяне кажется, что она выросла. На самом деле она просто забралась на плечо уродливого циклопа и теперь может показывать пальцем: этого раздавить. Вот что предлагает война маленькому человеку взамен утраченной жизни: право ненадолго почувствовать себя государством. [...]

И я совсем не согласна, что Глуховский никому не сочувствует. Можно ли без сочувствия придумать мать, которая кладёт в гроб перьевые подушки, чтобы заполнить пустоту на месте ампутированных ног сына? Отца, пытающегося рассказать, что его мальчик не хотел играть в войну? Бабушку, помнящую, как внук спасал слизней? А сам Саша? Перед смертью он пытается рассказать, что видел и делал, но его не желают слушать. В нём вдруг узнаётся Иона Потапович из чеховской «Тоски» - только Ионе пришлось говорить с лошадью о смерти сына, а Саше некому рассказать о собственной смерти, признаться в том, что видел и делал — ему снова затыкают рот, потому что его живой голос мешает посмертной героической биографии? Глуховский сочувствует своим героям, но не выдаёт им индульгенций. Он видит в человеке одновременно жертву и соучастника.

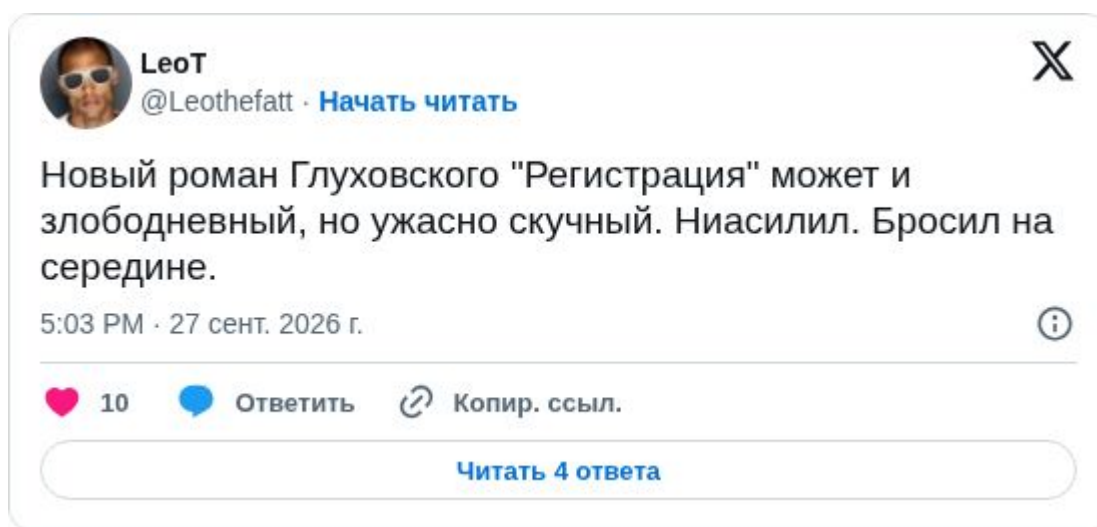
Константин Сонин

В "Регистрации" практически нет черных или белых героев. 100% отрицательный персонаж только один - вологодский фсбшник, вымогающий секс у сотрудниц массажного салона. У всех остальных добро и зло смешаны в разных пропорциях. И реагируют герои на угрозы по разному - даже врач в госпитале, вымогающий взятку за регистрацию брака с умирающим солдатом, испытывает облегчение, столкнувшись с угрозой. Что же говорить про интеллигентных Марину и Максима, московских родственников Ульяны...

Есть и читатели, которые просто считают, что роман плохо написан.

Михаил Эдельштейн

Все его персонажи — такие фигуры без лиц, кое-как раскрашенная фанерка или картон. Условные типы, о которых так любили рассуждать в моем детстве школьные учителя литературы. [...] Этими условными фигурами с условным языком книга набита плотно, как чучело стружками и ватой. Все вместе они составляют условную романную Россию — точно такую же картонку без лица, как и населяющие ее Татьяны и Кириллы.

Борис Локшин

У меня в ленте сразу в нескольких постах промелькнуло сравнение Глуховского с Трифоновым. И действительно, влияние Трифонова на Глуховского бросается в глаза. Даже названия перекликаются: «Обмен» — «Регистрация». Но... Но, во-первых, там, где у Т. живые люди, часто слабые, жалкие, малодушные, но живые люди, как мы с вами, у Г. компьютерные персонажи, у которых на лбу, на груди, на задницах яркими буквами написано: трусость, жадность, подлость, агрессия, лицемерие, злость. А во-вторых, и это гораздо важнее, сила трифоновской прозы не в том, что там написано, а, наоборот, в том, о чём там не сказано, а мы достраиваем, догадываемся, дописываем в своей голове. Советская ли цензура ему подсказала так писать или он сам был внутренне склонен к такому методу, трудно сказать, но, так или иначе, он незаметно заставляет читателя совершать какую-то внутреннюю работу, и эта работа что-то добавляет к его, читателя, внутреннему миру. А у Г. сначала объяснено для тупых, потом для совсем тупых, а потом три раза повторено для дебилов, и в результате возникает ощущение, что тебе плюнули в душу.

**“ Возникает ощущение,
что тебе плюнули в душу**

Ну и, наконец, есть комментаторы, которые попытаются увидеть и в самом романе "Регистрация", и в спорах о нем прежде всего общественный и психологический

СМЫСЛ.

Иван Курилла

Я решил написать о том, что вырисовывается из комментариев и рецензий. А вырисовывается в нем разорванное общество, которому больно, и которое кровоточит. Одна из оторванных частей пытается остановить кровотечение, прижигая место разрыва. Вот романом и прижигает. А другой части больно, но она не видит в прижигании лечебной процедуры.

Кинокритик Антон Долин сравнивает книгу Глуховского с недавно вышедшим фильмом Андрея Звягинцева "Минотавр", тоже посвященным России времен "СВО":

Конечно же необходимо и снимать, и писать. Касаться самого ужасного и табуированного, какой бы ни была реакция. Остальным же – отвечать на то, что кажется несправедливым и неточным. Причем не руганью в соцсетях, а другими фильмами и книгами: более взвешенными, более мудрыми. Спорить, обсуждать, думать. По возможности без высокомерия.

Совершенно не боюсь пафоса и осознанно рискую показаться смешным: и Глуховский, и Звягинцев здесь – «не врачи, а боль».

Выбор Свободы

Цитаты Свободы